

Наталья Ключарёва

Деревня дураков

Повесть

16+

Наталья Ключарёва

Деревня дураков

«ЛитРес: Самиздат»

2009

Ключарёва Н. Л.

Деревня дураков / Н. Л. Ключарёва — «ЛитРес: Самиздат», 2009

Молодой историк Митя из Москвы переезжает в глухую деревню, живущую по своим странным законам, которые он пытается понять.

© Ключарёва Н. Л., 2009
© ЛитРес: Самиздат, 2009

Содержание

Глава первая: Митя	5
Глава вторая: отец Константин	13
Глава третья: первые шаги	17
Глава четвертая: Гавриловы	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Наталья Ключарёва

Деревня дураков

Глава первая: Митя

Митя читал список, который швырнула перед ним на стол начальница районо, и с каждой строчкой ему становилось все хуже. Иудино, Кулебякино, Куроедово, Пустое Рождество... Названия деревень, куда требовался учитель истории, казались какими-то зловещими знаками.

Хотя чего плохого, скажем, в кулебяке? Но Мите тут же представлялся страшный мир, поглощенный пищей, мясные лица, масляные глаза, шкворчащие сковородки. И вспоминался муторный кошмар школьных лет: второгодник Ваганов, который на вопрос: «Ваганов, зачем тебе голова?!» – отвечал с неизменной улыбкой от уха до уха: «Чтобы жрать!»

– Вот, может, Марьино? – скрипнул Митя пересохшим горлом.

– Смеетесь?! – гроыхнула начальница, и ее золотой зуб по-цыгански сверкнул. – Да оттуда сам Сан Саныч сбежал!

– Какой Самсан? – переспросил Митя. – Самсон?

– Тютиков. А он в ОМОНе служил.

Мите захотелось попрощаться и уехать обратно в Москву. Перед глазами моментально развернулась до изжоги знакомая картина. Вот он поднимается на заплыванное студентами крыльцо, минует длинные коридоры, где скучающие девицы хвалятся маникюром, заходит на кафедру, слышит за спиной шипение стареющих специалисток по «Русской правде». Потом – неживой бумажный шелест университетской библиотеки, слипающиеся «измы» в толстом томе. И мучительный безответный вопрос: «Кому все это нужно?»

– Ну, хорошо, – откашлялся Митя. – А вы куда посоветуете?

– Я посоветую?! – взвилась начальница, будто в ее старом кресле лопнула пружина. – Бежать отсюда без оглядки! Кто же по своей воле в могилу лезет? Ладно, мы. Родились тут. Ничего не попишешь. А этих, спрашивается, куда несет?

– Но я тоже здесь родился.

– Что вы мне лечите? Место рождения – Москва! – она сунула Мите в нос его собственный паспорт.

– Ну, – Митя сделал неопределенный жест рукой, – я имею в виду – в России. – И мучительно застыдился.

– Ой-ой-ой, – пригорюнилась начальница, как простая деревенская тетка. – Навыдумывали себе в столицах всяких идеализмов и прилетели Родину спасать.

– Да что вы! Нет-нет-нет! Ничего не спасать! Просто...

– С жиру беситесь! От сытой жизни ум за разум зашел! Ну-ну. Поезжайте, понюхайте нашего навозу. Мигом дурь слетит. Чего сидим? Прием окончен!

– Так куда мне ехать-то?

– Да куда угодно. Я и оформлять не буду. Все равно через неделю сбежишь.

Митя выскочил на улицу, клокоча от обиды.

– Паспорт-то! Паспорт забыл! Малахольный! – крикнула из окна тетка-начальница.

На автобусной станции Митя подошел к ларьку, намереваясь купить чего-нибудь сладкого в утешение. Над крошечным окошечком трепыхалось рукописное объявление:

«Конкурс на самый мятый червонец закончен!»

Долго и бесплодно Митя изучал засиженные мухами шоколадки в выгоревших обертках, все больше томясь своей неспособностью хоть на что-то решиться. Наконец, он выбрал «Сникерс», протянул в окошечко сто рублей и хрипло попросил:

– Будьте добры, «Марс», пожалуйста.

– Нет сдачи, – отрапортовала продавщица, не поворачивая головы.

«Раз все так плохо складывается, – уныло подумал Митя, отходя от ларька, – значит, я, правда, не туда лезу. Значит, не мое это дело. Но *что* тогда мое? Ковыряться в бумажках? Просиживать штаны на защитах диссертаций, выслушивая, кто на кого повлиял? Матриархат в палеолите? История маникюрных ножниц? Кому?! Зачем?!»

Митя махнул рукой и в сердцах зашагал по пыльной привокзальной площади. Он бесконечно устал от неотвязных мыслей о *деле*, о *жизненном пути*, а больше всего – от невозможности, наконец, определиться и перестать метаться из стороны в сторону, терзаясь сомнениями. Очень хотелось уже до чего-нибудь додуматься и всерьез взяться за работу. Но Митя так боялся ошибиться, потратить всю жизнь и все силы *не на то*, так не доверял самому себе и при этом так пристально вглядывался, *испытывал* себя, что вот уже полгода не мог сдвинуться с мертвой точки.

Мите было двадцать восемь лет, но во всей его длинной нескладной фигуре, на которой любая одежда висела или топорщилась, еще отчетливо проглядывал вчерашний подросток. Все его одноклассники, за исключением сидевшего в тюрьме второгодника Ваганова, уже обзавелись семьями, отрастили животы и выглядели взрослыми мужиками. Только Митя так и остался тощим, одиноким и неприкаянным.

– Эй, парень! – окликнул Митю шофер отъезжавшей «газели». – Чего круги нарезаешь? Поехали!

Митя на ходу запрыгнул в открытую дверь.

– До куда тебе?

– До конца! – выдохнул Митя и почувствовал невероятное облегчение.

Но стоило «газели» повернуть на соседнюю улицу, Митю опять одолели сомнения. А не в Марьино ли он едет, откуда сбежал сам омовонец Тютиков? А, может, в жующее и чавкающее Кулебякино? Да и есть ли там школа? А если есть, то нужен ли им историк? И нужен ли где-нибудь вообще именно он, Митя?

«Газель» меж тем выбралась из райцентра и затряслась по проселочной дороге. Митя засмотрелся на высокие полевые цветы голодными глазами горожанина и забыл обо всем на свете.

Порой посреди чистого поля возникали остановки, похожие на мавзолеи древней цивилизации – монументальные, странной формы, украшенные грубыми узорами, а иногда – наполовину осыпавшимися мозаиками, где угадывались трубящие в горны то ли пионеры, то ли герольды, то ли ангелы.

На одной такой остановке сидел человек без головы. Митя отшатнулся от грязного стекла, в которое всю дорогу стучался лбом, стараясь получше рассмотреть пейзажи. Но, приглядевшись, понял, что человек просто натянул на голову куртку, застегнутую до самого ворота, и спит внутри, как в скворечнике.

Однако неприятное впечатление не уходило, и тоска привычной рукой выдернула Митю из солнечного дня и бросила в свои сырые застенки.

«Газель» медленно, вздрагивая всем телом, карабкалась в гору. По обочине шла молодая женщина в черном городском пальто, таком нелепом на фоне цветущих полей. Еще нелепее были высокие каблуки, с которых она при каждом шаге соскальзывала то в одну, то в другую сторону, по-птичьи взмахивая руками, чтоб не упасть. По неуверенному, пунктирному рисунку ее походки Митя понял, что дело не только в неудобной обуви. И тут же – с тяжелым

стыдом – увидел, что все пальто облеплено придорожным сором: соломой, сухими листьями, а на спине – как нарочно – болтается обертка от мороженого. Женщина плакала, сморкалась в кулак и вытирала об себя пальцы.

Тут «Газель» резко вильнула в бок, и Митя едва не вылетел в проход.

– Во дают, черти! – заорал водитель, выкручивая руль.

С другой стороны, прямо по проезжей части, брел на полусогнутых непослушных ногах мужчина невнятной наружности. Он то и дело наступал на волочашийся по земле конец синего клетчатого одеяла, в которое был завернут грудной младенец, – и тоже плакал.

– Опять Пахомов у своей шалавы дите отбирает, – зашумели пассажиры. – А сам-то! Того гляди выронит!

– Остановите! – слабо крикнул Митя.

– Рано тебе еще! – шофер мельком глянул на него в расколотое зеркало и прибавил скорость.

Весь оставшийся путь Митя так и сяк крутил в голове эту фразу. То ли рано лезть непрощеным помощником в чужую беду – не дорос еще, только хуже сделает. То ли рано вмешиваться в здешнюю жизнь, не зная ее подробностей и подводных течений. Кто этот Пахомов? И кто эта женщина? И что творится между ними – у всех на глазах, но никому, кроме них двоих, неясное?

– То рвался выпрыгнуть, а то не выгонишь! Приехали! Слезай! – позвал водитель, и Митя, очнувшись, увидел, что «Газель» стоит посреди большого села, что дверь открыта и в нее вот-вот влетит белая бабочка.

Митя спустился на землю, постепенно, как складной метр, разгибая свое длинное тело.

«Значит, он всего лишь имел в виду, что мне еще рано выходить»

– Эй, человек, а ты вообще к кому? – не отставал шофер, белобрысый парень в шлепанцах и обрезанных по колено спортивных штанах, которому явно не давала покоя невыясненная Митина личность. – К дуракам? Или к отцу Константину?

– Почему? – не понял Митя.

– А только к ним чужие приезжают. К остальным – я знаю, кого вожу.

– Какие дураки? – продолжал выпрашивать Митя вместо того, чтобы прямо объявить, кто он и зачем приехал.

«Темнит чего-то, очкастый! – насторожился парень. – Может, с проверкой? Да нет, кто такую тетерю по важному делу пошлет?»

– Там у нас, через поле, деревня дураков, – на всякий случай объяснил он. – Иностранцы за нашими психами присматривают. Набрали по интернатам – и сопли вытирают. За бесплатно. Вот мы и говорим – деревня дураков. Одни дураки с другими возятся. Блаженные – с клиническими. А я – Вова.

Парень безо всякой паузы перешел к знакомству, так что Митя не сразу догадался, зачем тот сует ему испачканную мазутом ладонь.

– Очень приятно. Митя, – сообразил он, и тут же осекся: не лучше ли было для солидности назваться полным именем-отчеством?

– Ну, и зачем к нам-то? – не выдержал Вова, видя, что дылда в упор не понимает никаких намеков.

– Учителем вот попробую, – проямлил Митя и чуть было не спросил: «А есть ли у вас школа?», но вовремя спохватился, что это будет совсем по-дурацки.

– От армии косишь?! – обрадовался Вова, наконец-то найдя для Мити понятное объяснение. – А я вот отслужил. И очень доволен. Начальство возил. Мне сам генерал предлагал: «Оставайся, мол, Вова, моим личным шофером». А я, дурак, вернулся. Девка у меня тут. Была. Стерва!

Вова плюнул в пыль и свирепо растер плевков шлепанцем. Митя хотел сказать, что ему уже год как незачем косить от армии, но передумал. Разве он мог четко ответить – не Вове даже, самому себе – зачем он здесь, в этой деревне, названия которой не знал.

– Вожу вот теперь старух на рынок. А мог бы – генерала! – продолжал сокрушаться Вова. – Ладно, пойдем, покажу тебе школу. Хотя она все равно закрыта.

– Почему?

– Так лето ж! Каникулы.

Всю дорогу до школы Митя нудно ругал себя за безнадежную непрактичность. Это ж надо! Приехать учительствовать, совершенно забыв, что каникулы начались не только в их тоскливом универе, но и по всему миру. Даже в Австралии! Даже на Мадагаскаре! Даже в Перу! Географическая перспектива придавала Митиным раздумьям особую горечь, увеличивая его промашку до размеров Земного шара.

На деревянном мостке через речку толпились дочерна загорелые мальчишки с удочками.

– Если мы нажалуемся, они нас еще сильнее откучкуют! – кричали они друг другу так, будто находились на разных берегах.

Увидев Митю, они хором замолчали и стали смотреть, как он идет. У самого младшего, на котором не было ничего, кроме съехавшей на одно ухо белой панамки, сам собою открылся рот.

В Мите от смущения мгновенно развинтились все шарниры, крепившие его длинное тело: ноги стали выгибаться не туда, руки болтаться вразнобой, лицо вообще потеряло всякую опору и не могло удержать ни одного выражения.

– Здрасьте! – гаркнули мальчишки, когда Митя ступил на мост.

– Зашей варежку, мелкий, мотыля словишь! – откликнулся Вова, страшно довольный, что он один знает, кто таков Митя и зачем приехал.

Мальчик в панамке спохватился и захлопнул рот.

– Здравствуйте, – промямлил Митя, торопясь пройти мимо.

За спиной у него тут же зашептали:

– Дядь Вов, а это кто?

– Конь в пальто! – со знанием дела сообщил Вова и, догнав Митю, затараторил: – А я когда в армию призывался, первый раз в город попал. Слез с автобуса, иду и со всеми здороваюсь. До конца улицы дошел – язык отваливается: столько народу! А главное, все от меня шарахаются, как от чумного, и никто не отвечает.

Одноэтажная школа, похожая на простой деревенский дом, стояла посреди бескрайнего огорода. На дверях висел ржавый замок, окна были заклеены старыми газетами. Но и директриса, и все старшекласники копались в грядках неподалеку.

– Теть Дунь! Бросай свою капусту! – заорал Вова, перепрыгивая через кучи вырванных сорняков. – Смотри, кого я привез!

Маленькая женщина в спортивном костюме выпрямилась, держась за поясницу, отерла локтем лоб и стала с тревогой всматриваться в Митю. Несколько девочек, выше нее ростом, тихо выросли рядом и встали плечом к плечу, как окруженные разведчицы, решившие сражаться до последнего патрона. Трое парней медленно снимали залепленные землей матерчатые перчатки, словно готовились порвать незваного гостя – голыми руками. Мите захотелось убежать.

– Всё? Приехали? – обреченно спросила маленькая тетя Дуня, а девчонки продырявили его ясными ненавидящими взорами.

– Приехал, – испуганно согласился Митя.

– Да что ж вы им доучиться-то спокойно не даете?! – неожиданно заголосила она. – Последний ведь год остался! И в седьмом у меня – два человека! Трое в пятом, не считая Кости. А там, глядишь, и Минкин пойдет! Куда они денутся? В интернат при живых родителях?

Митя растерянно хлопал глазами, недоумевая, за что кричит на него эта незнакомая женщина, которую кто-то – видимо, похожий на Митю – намеревался, судя по отчаянью в ее голосе, лишить всего на свете.

Тут Вова-шофер насытился своим тайным знанием и снисходительно вмешался:

– Теть Дунь! Евдокия Пална! Остынь! Чего на нового учителя бочку катишь? Сейчас как разобидится и обратным рейсом укатит. Верно я говорю?

«Еще можно уехать!» – обрадовался Митя и почти без отвращения вспомнил свою кафедру, наполненную шелестом и шипом.

– Так вы не закрывать нас? – выдохнула Евдокия Павловна и несмело улыбнулась.

Живая стена обороны, стоявшая за ее спиной, расслабилась и заволновалась, как березовая роща: девчонки принялись перешептываться, хихикать, стрелять глазами и толкать друг друга в сторону нового учителя. Митя окончательно смутился и твердо решил вернуться домой.

Уцепившись за эту спасительную мысль, он незаметно для себя ответил на все расспросы Евдокии Павловны и вынырнул в действительность лишь тогда, когда Вова с тетей Дуней громко заспорили, где его поселить. В первую секунду он хотел вмешаться, но не нашел в себе ни слов, ни смелости, смирился и стал слушать, как чужие люди решают его судьбу.

В глубине души Митя был рад, что этого не приходится делать ему самому. Он расслабился и поплыл по течению, будто огромный груз упал с его сутулых плеч, и Митя стал невесомым, как щепка. Он поднял голову и впервые огляделся вокруг.

Школа стояла на самом краю села. Пустая дорога ныряла под горку и всплывала далеко-далеко в цветущих полях. На обочине торчал покосившийся указатель. Митя прищурился и попытался прочесть название. Не поверил глазам, достал из нагрудного кармана очки, носить которые стеснялся, и снова взгляделся. Место, куда он случайно заехал, называлось Митино.

«Значит, все правильно!» – восхитился Митя и с легким сердцем пошагал за маленькой директрисой.

– Нас каждый год закрыть пытаются, – говорила она, робко заглядывая в лицо новому человеку: не обидел ли того неласковый прием. – Тем летом вообще голодовку устраивали. На матрасах вокруг района лежали, и девчонки тоже – они у нас боевые. А погода – как на грех – дождь моросит, кругом лужи. Начальница, Валентина Петровна, – вы ведь с ней познакомились? – из окна нас костерит почему зря. Все равно, кричит, закрою, у меня нормативы, из-за десяти человек целую школу не положено держать. А ведь у нас не десять, у нас одиннадцать, плюс Костя, да скоро Минкин подрастет. Но повезло: к дуракам немецкий профессор приехал. И нас от стыда подальше – в охапку, прямо с матрасами, – и домой на школьном автобусе. Но зато оставили, не закрыли. Теперь вот опять ждем гостей из района.

Они вдвоем шли по главной улице Митино. Вова неохотно отправился в вечерний рейс, а старшеклассники остались допалывать школьную капусту.

Изредка им навстречу кто-нибудь попадался. В отличие от Вовы, тетя Дуня была жалостлива к чужому любопытству: она останавливалась и во всех подробностях рассказывала про Митю.

С каждой встречей его статус стремительно повышался, выдавая неустанную работу воображения Евдокии Павловны, которая на ходу подыскивала Мите место во все более далеком будущем.

– Попробует вести историю.

– Надеюсь завучем сделать.

– Уйду на пенсию – директором станет.

Будущее – от присутствия в нем нового учителя – становилось почему-то все светлей и краше. И школа не закрывалась, и зарплату давали вовремя, и даже муж не пил. Никто другой

не нашел бы в Митиной долговязой фигуре, которую встреченные старухи сразу окрестили «оглоблей», ничего, что могло вселить подобную уверенность. Но Евдокии Павловне так хотелось надеяться, что было, в общем-то, неважно – на кого. До края деревни Митя дошел уже потенциальным министром образования.

Тут, по счастью, улица уперлась в лопухи, и тетя Дуня, встав на цыпочки, опасливо глянула через чей-то забор. Там внутри плыло и пылало целое море диковинных цветов. У самого дома колыхались алые маки, так что казалось, крыльцо охвачено огнем. Посреди этого пожара на ступеньках стоял старик и смотрел на мир из-под ладони.

– Ну, попытаемся, – несмело прошептала тетя Дуня и, обернувшись к Мите, который моментально тоже оробел, добавила: – Мы его побаиваемся. *Поколдовывает.*

– Как это?

– Видите – сирень? Везде уже давно осыпалась. Вон гладиолусы – они только в августе пойдут. А у него все сразу. Неспроста это.

– Так, может, нам его не беспокоить? – ботанические аргументы показались Мите неубедительными, но он все равно испугался.

– А остальные пьют, – с тоской ответила тетя Дуня. – А как выпьют, так дерутся. Вы же человек культурный, вам тяжело будет.

– Евдокия! – окликнул вдруг старик, и оба директора – нынешний и будущий – вздрогнули, как нашкодившие первоклашки. – Я жду гостей. Может быть, это вы?

Митя шагнул за калитку – и даже зажмурился от плотной, почти осязаемой волны запахов, которая окатила его, сбила с ног, подняла в воздух. Митя оторвался от земли и поплыл над тропинкой. Впереди него, раздвигая цветущие ветви, парила маленькая Евдокия. Отсветы и блики окружающей красоты ложились на ее выгоревшую спортивную куртку, лились с узких плеч трепетным многоцветным шлейфом; тюльпаны, стоявшие вдоль дорожки, кланялись ей с простотой и достоинством древнего рода.

Митя дышал во всю грудь, будто торопился исчерпать этот сад, классифицировать и поставить на полку. Но с каждым вдохом проваливался все глубже, запутывался в словах, как в горячий плоти льнувших к нему растений.

Деревенская улица, по которой он только что шел, имела понятный, легко объяснимый запах – навоза, скошенной травы, овощной ботвы на грядках.

Но едва Митя пытался разъять на составляющие воздух этого сада, как происходило нечто, совершенно сбивавшее с толку. Да, сладко и душно пахли цветы, многие из которых он видел впервые в жизни, но дело было не в них.

Митя вдыхал и выдыхал и наполнялся странной уверенностью, что в саду пахнет временем, преображением и вечностью. Причем именно в такой последовательности.

Сначала – время: светящаяся и нетленная суть прошлого, тугие зерна будущего, а в них – могучие деревья, которые еще прекрасней оттого, что их может никогда не случиться. Тут соединялись и собственная Митина жизнь, и история человечества, и геологическая память планеты. Дальше свершался невероятный прорыв, стиравший грань между «было» и «будет», между «я» и «не я». И все становилось всем.

Митя споткнулся о лейку и чуть не упал к ногам Евдокии Павловны, робко объяснявшей старику появление квартиранта. Отряхиваясь, Митя еще раз втянул воздух и с облегчением почувствовал, что пахнет только цветами. Он огляделся.

На крыльце, помимо старика и тети Дуни, занятых разговором, стояла еще и низенькая старушка. Несмотря на теплую погоду, на ней были валенки и ватник, правда, застегнутый не на все пуговицы. Старушка смотрела на Митю, мелко трясла головой и улыбалась. От ее глаз во все стороны расходились глубокие прямые морщины, похожие на нарисованное детской

рукой солнце. Митя тоже улыбнулся. В этот момент старик взглянул на него и тут же кивнул Евдокии, будто Митина улыбка все решила.

– Ну, пойдём, дите мое дорогое, я тебя покормлю с дороги, – сразу взялась за него старушка. – Проходи, проходи. С Дуней ещё успеешь наговориться.

Митя вошел в дом и несколько секунд ничего – после яркого дневного света – не видел. Ощупью опустился за стол и по густому пару, ударившему в ноздри, понял, что перед ним уже стоит миска щей.

– Меня зовут Фима, и деда – так же, – рассказывала между тем старушка, протирая полотенцем серую алюминиевую ложку.

– Это как? – удивился Митя.

– Он – Ефим, я – Серафима.

– Какие имена старинные.

– Так и мы давно на свете живём. Фим ещё при царе родился. А я уже – под Лениным.

– Сколько же вам лет?

– Фиму той зимой девяносто исправили. А мне, даст Бог, в сентябре восемьдесят пять стукнет. Ложкой по лбу. На-ка, сударь, похлебай.

После обеда Серафима показала Мите лестницу на чердак, где ему отвели спальное место. Митя полез и в темноте больно ударился головой о потолочную балку, дернулся, оступись, нога скользнула со ступеньки, и он повис на руках, загребая ступнями воздух.

– Батюшки светы! – ахнула старушка, убиравшая со стола.

Но Митя все-таки справился и забрался в свою, как выразилась Фима, «светелку». Там наверху все было таким маленьким, что он показался себе незадачливым великаном, поселившимся в жилище гномов. Выпрямиться в полный рост он не мог, только сидеть, согнувшись в три погибели, или лежать на охапке сена, покрытой домотканым половиком.

Митя вдруг поймал себя на странном ощущении. Он столько раз, особенно в детстве, читал об этой жизни в книгах, но никогда не видел ее сам. И вот теперь, внезапно очутившись на деревенском чердаке, он попал в мир, как будто до мелочей знакомый.

Все было на своих местах – и пучки травы, аккуратно сушившиеся на веревочках между балок, и косые лучи, в которых заморожено клубились пылинки, и смолистый запах нагретой солнцем крыши.

Митя выглянул в круглое оконце, конечно, узнав и его. Село Митино разбрелось по косягу, слева белела колокольня, справа росла на капустных грядках школа, в тени заборов дремали, вытянув лапы, безмятежные псы, в лугах, залитых клевером, петляла речка.

Все было похоже на картинку из букваря, по которой полагалось придумать предложение на тему родного края.

Митя неожиданно вспомнил, как в первом классе написал сочинение, которым умилялась вся его профессорская родня. Оно состояло из одной-единственной фразы: «Я люблю мою Родину, потому что по ней ходят лошади».

Старая кобыла Маруся с густой челкой и большими вкрадчивыми губами, катавшая детей в парке, была самым ярким впечатлением его бедной городской жизни, запертой со всех сторон бетонными стенами многоэтажек.

Вспомнив Марусю, ее влажный ореховый глаз, в котором отражались круглое небо, верхушки деревьев и облака, Митя в тот же миг увидел белого коня, пасшегося в зарослях осоки на том берегу.

Тут чаша этого дня, совсем не похожего на все предыдущие дни Митиной жизни, переполнилась и полилась через край сладкой тягучей дремой. Митя вытянулся на соломе и закрыл глаза.

Он лежал на спине, улыбался, слушал чиркающих вечерний воздух стрижей, и ему все чудилось, что он куда-то плывет, покачиваясь, и волны плещут, и мостик пролетает над ним, и мальчишки галдят, свесившись через перила: «Зырьте, ребзя, новый учитель поплыл!» – «Это не учитель, а чудо-юдо рыба-кит!»

Глава вторая: отец Константин

Отец Константин приехал в Митино всего на полгода раньше – зимой. Вез его тоже Вова и, поскольку других пассажиров в «Газели» не было, взял в оборот с самого райцентра: попросил пересечь в кабину и всю дорогу вел богословские расспросы.

Вову, например, интересовало, какому святому заказать молебен, чтобы присушить обратно *одну стержню*? Или святые такими делами не занимаются, и придется сгонять в Марьино к бабке-приворотнице, чего не хотелось бы: цену гнет, ведьма – ползарплаты за стакан сушеного дерьма!

Еще Вова спрашивал, надо ли снимать крест, когда *с девкой – того-этого*? И достаточно ли, чтобы не попасть в ад, сходить в церковь на Пасху или нужно *отстоять еще и Рождество*?

– Все это совершенно ни к чему, – не выдержал, наконец, отец Константин, чем глубоко поразил, чтобы не сказать – разочаровал Вову.

– Так чего же делать?

– Жить по-человечески. Изо дня в день, понимаешь, а не раз в году свечку ставить.

– Кстати, – воодушевился Вова, опять нащупав в разговоре знакомую колею. – Правда, что нельзя ставить четное число свечек, не то кони двинешь?

– Конечно, двинешь. Рано или поздно. Только не от свечек.

Вова замолчал, и на его лице отразилось физическое усилие думанья: сморщился лоб, насупились белесые брови, задвигались, будто проталкивая застревавшую мысль, желваки.

– А разве я живу не по-людски? – обиженно воскликнул он. – Пью, между прочим, только вечером, а не с утра, как все. Хотя, конечно, подлечиться тянет. Вкалываешь тут с бодуна, как лось. Но я за рулем ни разу – это у меня железно.

– Неужто каждый день, без передышки? – спросил отец Константин с таким участием, будто речь шла о приступах тяжелой болезни, а не об этом, обычном для всех, занятии.

– Ну да, – удивился Вова. – А как же?

– Ты вот меня спросил, что делать, – вздохнул отец Константин, заранее зная, что слова, которые он должен произнести, пролетят мимо.

– А то, – ввернул Вова. – Кому охота в котле вариться.

– Вот и попробуй – для начала – пить хотя бы через день. Когда справишься, приходи, скажу, что дальше.

– Ага, – ухмыльнулся Вова. – Знаю я, что дальше: пить только по пятницам, потом только по праздникам, а там и вовсе зашиться. Чтoб в меня все пальцем тыкали, как в сектанта! Нет уж, спасибо. Это ты, батя, от зависти ляпнул. Вам-то попам настрого лопать нельзя? Что, угадал я?

– Почему нельзя? Все можно. Но не все полезно.

– Фига! Это мне, значит, не пей, а самим все можно!

– Нет, Вова, – устало пояснил отец Константин, бесконечно жалея, что ввязался в разговор. – Это фраза апостола Павла, она ко всем относится, не только к духовенству.

– Так значит, и мне можно?! – возликовал Вова.

– Но ведь и тебе тоже – бесполезно.

– Ну, это-то да. С этим-то кто спорит, – с облегчением согласился Вова и принялся взахлеб рассказывать о своем отравлении авиационным спиртом, случившимся, как и все важное в Вовиной жизни, во время срочной службы.

Войдя в нетопленный домик причта, размерами и утlostью похожий на дровяной сарай, отец Константин, не снимая зимней куртки, присел к столу и записал в своем дневнике:

«Что делать, чтобы наследовать жизнь вечную? В Иудее 1-го века ответ звучал: «Раздай все, что имеешь, и следуй за Мною». И это было чересчур. В России 21-го века ответ звучит: «Пей хотя бы через день». И это тоже чересчур. Ты всегда требуешь слишком много. Нет бы просто сказал: такое-то количество свечек».

Отец Константин оглядел покрытые изморосью стены своего нового жилища, треснувшее стекло, залепленное скотчем, голую лампочку Ильича, качавшуюся на длинном проводе, и подумал, что сейчас он бы с полным основанием мог впасть в уныние, если б не знал, что и оно – бесполезно.

Вова тем временем ораторствовал на крыльце магазина, размахивая початой бутылкой.

– Мутный какой-то. В церковь, говорит, не ходи, бухай, сколько влезет. Хотя оно и вредно, конечно.

– Может, он того – фиктивный? Поп-то? – засомневался мрачный Пахомов, некогда бывший трактористом.

– Может, и фиктивный. Я у него документов не спрашивал.

– А зря! – укорил Вову выходящий из магазина пенсионер Гаврилов, про которого все знали, что он стукач и клязник.

Гаврилов с мужиками не выпивал, но нес домой кило сарделек.

– Я знал что ли? – огрызнулся Вова, досадуя, что попал впросак. – Думал, в платье – значит, поп.

– Ну, ты давай, не задерживай, – прервал его немногословный Пахомов.

Вова поспешно глотнул, крикнул и передал бутылку по кругу.

На следующее утро отец Константин тоже отправился в магазин, намереваясь купить что-нибудь для своего необитаемого дома-сарая. Любая, самая простая вещь могла бы внести в эти безотрадные стены свидетельство человеческого присутствия, облегчить вживание в новое место. Мыльница, кружка, веник.

На скамейке возле магазина, привалившись друг к другу, кемарили вчерашние Вовины собеседники. Из страшных разинутых ртов вырывались клубы морозного пара. Так отец Константин определил, что они живы, хотя, судя по небольшим сугробам на плечах и загривках, проспали тут всю ночь.

Внутри магазина собралось небольшое общество. Продавщица в мелких фиолетовых завитках монотонно штриховала клеточки в кроссворде. Пенсионер Гаврилов придирчиво перебирал мерзлые куриные лапы, которыми ради экономии кормил своего пса. Рядом, держась за прилавок, покачивалась молодая женщина в неведомо откуда взявшейся здесь, за двести километров от ближайшей станции, оранжевой железнодорожной жилетке.

– Ну, дед, ну, старый пень, – медленно и хрипло говорила она. – Я ж не водки, я хлеба прошу. Купи буханку, не жисься. Два дня не жрамши.

Пенсионер Гаврилов, брезгливо поджав губы, бросал в пакет синеватые птичьи пальцы.

– Хотя какой с тебя спрос, своего барбоса и того морожеными когтями моришь, – усмехнулась женщина и тут заметила нового покупателя. – Царица небесная, это кто ж такой божественный?

Продавщица и пенсионер оторвались от своих занятий и вперились в отца Константина.

– А, наслышаны-наслышаны, – мигом сориентировался Гаврилов. – Мы церковь, любим, уважаем. В праздники – дома не убираем, не готовим, целый день у телевизора сидим. Все как положено.

– Ангел святой, купи вдове чекушку! – встряла женщина в жилетке.

– Любка не приставай! – шикнула продавщица.

– А чего? Он должен бедным помогать!

– Это чья же ты вдова? – набросился на Любку пенсионер Гаврилов. – Семерых таджиков с лесопилки? Психов из деревни? Так они еще живы! Лисица блудливая!

– Я всех мертвых вдова, – многозначительно произнесла Любка и сама поразилась, как складно у нее вышло.

Пенсионер Гаврилов расплатился за куриные лапы, пообещал отцу Константину зайти вечером в гости и с достоинством удалился.

Отец Константин смотрел на мотки веревок, секаторы и голубые галоши, разложенные в хозяйственной части магазина, и никак не мог сообразить, зачем пришел.

– Слушаю вас, – подчеркнуто вежливо обратилась к нему продавщица.

– Пожалуйста, хлеба.

– И зрелищ! – фыркнула Любка и закружилась по магазину, изображая зрелище.

Отец Константин протянул ей сыроватую буханку. Любка остановилась, как вкопанная, только непослушная ухмылка продолжала блуждать по лицу.

– Мне? – ошарашено выдохнула она.

– Ну, ты ж просила.

– Возьмите вон еще сосисок, – подсказала продавщица. – А то, и правда, на одном спирте живет, как вечный двигатель.

Отец Константин вышел из магазина. Любка не отставала. Прижимая к груди пакет с чудесно обретенной провизией, она рассуждала о чем-то, что, по ее представлениям, соответствовало торжественности момента.

– Лисице Бог послал кусочек хлеба! – выкрикивала Любка. – А я в Бога не верю. Я верю в людей. Вот в тебя, например. Помог бедной вдове! Так и живем. Только решишь помереть, кусочек с неба – хлоп! Живи, мол, Любка, дальше! Как тут в Бога не верить! Я верю! Вот те крест! А ты – до чего ж расчудесный, на святого похож! Ты это, не святой, случаем?

– Нет, Люба, обычный человек.

– Ой! – умилилась Любка. – Лю-ба! Ну-ка скажи еще раз! Меня так никто не называет! Разбуженные Любкиными криками, на скамейке зашевелились мужики.

– Я ж говорил – фиктивный, – прохрипел мрачный Пахомов. – Уже с психовкой снюхался. Приличный человек разве будет с ней валандаться? В зуб ногой – и все разговоры!

– Где это Вовчик видел таких живодригущих попов? В армии у себя что ли? – продрал глаза его собутыльник Палыч, супруг школьной начальницы Евдокии. – Поп должен быть с брюхом. А этот! Журавель! Как есть поддельный!

– А пойдём ко мне в гости? – трещала меж тем Любка. – У меня ведь тоже дом есть! Правда, стекла выбиты, зато крыша на месте. Или вам, духовным, с женщинами нельзя? Га-га-га! Только не обижайся! Это я так, к слову, я ж все понимаю! Пойдем, посмотришь, как мы тут живем! Или побрезгуешь?

– Пойдем.

– Правда что ли? Не шутишь? Ко мне? К Любке? Вот это номер!

Они подошли к завалившейся на один бок халупе. У приоткрытой двери белел нетронутый снег. Любка давно не вспоминала, что у нее есть дом.

– Кто ж тебе стекла побил? – спросил отец Константин.

– А бабы! – весело отмахнулась Любка. – За то, что мужики со мной путаются. А чего бы им не путаться? Я нрава легкого! А жена – как циркулярная пила, не успокоится, пока не перепилит.

Они с трудом отжали примерзшую дверь и вошли внутрь. Такого погрома отец Константин не видел даже в предназначенных под снос ветхих домах, где в детстве лазил в поисках кладов.

Он пошел, переступая через груды рухляди и пустых бутылок.

– Немного не прибрано, – виновато заметила Любка, отпिनывая с прохода пустую коробку.

На подоконнике лежала припорошенная снегом пластмассовая погремушка. Отец Константин взял ее в руки и обернулся к Любке.

– Сынок у меня был, – жалобно сморщилась та. – В интернат отняли. А я его так любила! Покормить иной раз забуду – он и орет, бестолочь. Лежал бы тихо – вместе б жили.

Любка впервые за время их знакомства замолчала и как бы задумалась. Ее обветренное лицо, находившееся в непрерывном движении, приостановилось, и в нем внезапно проступили человеческие черты. Вострый нос, мелкие веснушки, мертвенно серые в скудном свете, сочившемся из разбитых окон. Глаза, действительно, были лисьи: желтовато-карие, холодные.

– Нравлюсь? – вскинулась Любка и с каким-то звериным кокетством поерзала внутри своей безразмерной оранжевой жилетки. – Эх, жаль! Такой молодой, а уже духовный! А то б мы с тобой загли! Чувствую я в тебе родную душу! Вот те крест! Будто сто лет знакомы!

Отец Константин положил погремушку обратно и осторожно стал пробираться во вторую комнату, по некоторым остаточным признакам опознаваемую как кухня. Там творилось нечто совсем невообразимое.

– Люб!

Любка выронила погремушку, которую с тупой настойчивостью трясла над ухом, и бросилась на зов.

– Люб, это что такое?

Любка дурашливо вскинула брови и вытаращила глаза.

– Он еще спрашивает! Не видишь что ли? Дерьмо!

– Как не видеть. Но зачем же прямо тут? Ведь стыдно!

– Ну, есть немного, – замаялась Любка и вдруг просияла. – А ты поставь мне фанфурик – и стыда не будет! Ну, ангел, ну, святой-пресвятой, купи выпить, раз такой добрый.

– Люб, так это ж хорошо, что стыдно. Плохо, когда стыда нет.

– Ну, все – понес сомбреру, – сникла Любка.

– Что?

– И я про то же. Сомбрера это все. Из книжек непонятное. Для моей головы велико.

Отец Константин вздохнул.

– Так значит, не купишь? – уточнила Любка.

– Нет, Люба, выпивку я тебе никогда покупать не буду. Ты это, пожалуйста, сразу запомни.

– Ладно, командир, – Любка запахнулась в жилетку и с царственным видом двинулась к выходу. – Тогда ты мне не нужен. Пойду до щедрых кавалеров.

Вернувшись в свой сарай, отец Константин открыл дневник, долго дышал на застывшую ручку, морщился, мучительно думал и в итоге записал всего два слова: «*Очень страшно*».

Глава третья: первые шаги

Митя проснулся необычайно рано, разбуженный звуками давно начавшегося деревенского дня: под забором ругались два женских голоса, в лопухах надрылся петух, гулко громыхало ведро в колодце.

Митя вскочил, треснулся о низкий потолок и окончательно вспомнил, где находится. В круглом чердачном окошке стоял все тот же пейзаж из букваря, даже вчерашний конь белел, как нарисованный, на прежнем месте.

Однако, надев очки, Митя с радостью первооткрывателя обнаружил новую, нехрестоматийную деталь: капли росы круглились на картофельных листьях и пускали ему в зрачок короткие позывные радуги.

Митя не спешил спускаться вниз, немного робея хозяев. Он сидел, как кузнецик, касаясь ушами коленок, и длил этот странный миг, о котором столько мечтал в детстве: что вот сейчас он сделает всего шаг и окажется сам внутри картинки.

В доме не было никого, и Митя, слегка волнуясь, вышел в сад. Растения обступили его, радостно кивая, но непонятное наваждение, с которого все началось, не повторялось, и Митя, привыкший жить в рациональном мире, обрадовался, а где-то внутри, незаметно для себя, загрустил.

Он пошел дальше, вздрагивая от холодных капель, которыми, как девчонки, брызгались в него тонкие деревца, и за домом увидел, наконец, обоих стариков. Фима, примостившись на перевернутом ведре, рыхлила землю вокруг величественных белых лилий. А Фим сидел в старинном деревянном кресле с высокой, как у трона, спинкой и резными подлокотниками. На коленях он держал большую картонку и делал нечто настолько не неожиданное здесь, в деревне, что Митя поначалу не поверил своим глазам.

Девяностолетний Фим рисовал. Размеренно и ладно, будто косил траву. Правая ладонь его была вся разноцветная от мелков. Левая, затянутая в кожаную перчатку, отстраненно лежала поверх картонки.

Митя вытянул шею из куста, за которым таился. Потревоженные гроздь красной смородины поймали солнечный луч и бросили на рисунок рубиновый отсвет. Радуга, которую размашисто штриховал старик, вздрогнула и задышала.

– Вот так и стой, – не оборачиваясь, сказал Ефим. – Смотри, какую красоту наделал.

Серафима подняла голову от лилий и заулыбалась.

– Вы художник? – спросил Митя, послушно застыв в смородине.

– Не отпускает меня этот мир, – плавно заговорил старик, будто собирался запеть длинную былинку. – Сто лет в обед, а все как первый день творенья. Дух захватывает. И уносит под облака. Вот, послушай. Летели два скворца из алмазного ларца. Долго летели и достигли седьмого неба. Седьмое небо – последний цвет радуги, там все фиолетовое: и солнце, и облака. Только скворцы – черные. И решили они лететь через край. Чтобы узнать – что дальше. Может быть, снова красное небо, а за ним – оранжевое с желтым: новая радуга. Но восьмое небо оказалось белым. И скворцы вдруг тоже побелели. Или стали прозрачными, и сквозь них лился белый свет восьмого неба. Они не видели друг друга и перекликались, чтоб не потеряться. Два голоса тянулись, утончались и скоро растворились в молоке. А небо все продолжалось.

Ефим умолк, и сад наполнился будничным гудом насекомых. Серафима кивала и бездарно улыбалась. На стеганых плечах ее ватника симметрично сидели две бабочки с золотыми глазами на крыльях.

С непривычки Митя быстро переполнился молчанием и почувствовал непреодолимый словесный зуд, хотя все подсказывало ему, что говорить сейчас не стоит.

- Чем же кончается ваша история? – спросил он почти против воли.
- А она и не думает кончаться. Они все летят. Просто отсюда не слышать уже.
- А когда прилетят?
- Никогда. Восьмое небо – бесконечно.
- Вы сказочник? – произнес Митя, не зная, что сказать.
- Фим, у нас простокваша осталась? – нагнулся вдруг старик со своего трона.

Серафима не сразу сфокусировала взгляд, словно возвращалась с восьмого неба и пробиралась – один за другим – сквозь все цвета радуги. Наконец, она совпала с собой, вздрогнула – и бабочки нехотя перелетели с ватника на цветы.

– Пойдем, дите дорогое, завтракать, – Серафима протянула к Мите мелко дрожащие руки. – Подними-ка меня.

Митя бережно и неловко, будто боясь разбить, поставил старушку на ноги. Она показалась ему почти невесомой, и от этой младенческой легкости у него болезненно сжалось горло.

Медленно они пошли через сад, и Митя, чтобы вынуть из сердца осколок жалости, спросил:

- Почему у вас цветет все сразу?
- Мы с ними нянчимся, как с дитяи. Вот они и торопятся раскрыться. И не спешат уходить.

– А люди думают, дед Ефим наколдовал.

– Одни говорят – колдун, а другие – того, чекалдыкнутый, – засмеялась Серафима и покрутила у виска.

– Почему?

– Картошку не сажаем. Телевизии не держим. Меж собой не лаемся, седьмой десяток – как одна душа. Чего еще. Не пьем, про пенсию не тревожимся, на старость не обижаемся. Счастливые мы. Людям это стерпеть трудно.

– Счастливые?

– Так ведь радостно жить! Вздохнул – и счастье. Разве нет?

– Ну да, – растерялся Митя. – Наверное.

Наевшись простокваши с хлебом, Митя отправился в школу – узнать, что ему делать сейчас, во время каникул. Составлять учебные планы? Писать конспекты уроков? Или, возможно, что-нибудь еще?

У магазина ему повстречался молодой священник с бутылкой водки под мышкой. Митя испуганно отвел глаза и стал смотреть на исполинские лопухи, качавшиеся в канаве. Под каждым из них вполне мог спрятаться ребенок или маленькая директриса Дуня.

Все школьное население опять обреталось на грядках. Митя выяснил, что делать ничего не надо. Только полоть, окучивать, поливать. И так до конца лета.

– Да пойдёмте, я вам хоть школу покажу, – спохватилась Евдокия Павловна, видя, что Митя – под нарастающий смех девчонок – не знает, как подступиться к земле.

Школа состояла из столовой, где стоял один очень длинный стол, учительской и трех классов. В коридоре на стене висел стенд: «Родное Прибитюжье».

– Это что? – удивился Митя.

– Наша речка, – смутилась Дуня. – Называется Битюг... А я у вас все спросить хотела. Вы из Москвы, может, знаете. Правда, что Катрин беременна от президента?

– Что? Кто? – опешил Митя.

– Ну, как же! – в свою очередь изумилась Евдокия Павловна. – Катрин, певица, которую недавно в Госдуму избрали. Неужели не слышали? Она еще песню поет, такую жалостную: «А ты меня совсем не любишь...»

– Ну, они все примерно одно и то же поют, – улыбнулся Митя. – А певица-депутат – это сильно. Почти как кухарка, управляющая государством.

– Так вы что газет не читаете? – разочарованно протянула Дуня.

– Нет.

– Но ведь надо быть в курсе! Тем более, вы историк. Хотите, я вам принесу? У меня их много. Вовка из города каждый день привозит.

Митя вежливо отказался. И Евдокия Павловна, исполненная недоумения, вернулась на грядки, отправив странного учителя, не знавшего знаменитой Катрин, проводить каникулы по его собственному усмотрению.

Митя, немного стыдясь своей непригодности к сельхозработам, ушел далеко в луга и заскакал там на свободе, как отвязавшийся жеребенок. Один под синим небом.

Глава четвертая: Гавриловы

Вечером к отцу Константину заглянул пенсионер Гаврилов с женой Клавдией Ивановной – учительницей начальных классов. Клавдия Ивановна страшно молодилась, носила длинные серьги и шаль с кистями. Однако в скором времени и ей суждено было стать пенсионеркой. Она дорабатывала свой последний год: трое головорезов из 4 «А» переходили в среднее звено, а младше их в школе никого не было. Где-то далеко за краем демографической ямы маячили трехлетний Минкин и новорожденный сын Светки Пахомовой. Но Клавдию Ивановну, не дожидаясь, пока они подрастут, отправляли на заслуженный отдых.

Гавриловы предусмотрительно принесли с собой три пакетика чая, шесть кусков сахара и кипятильник. Правда, чашек в хозяйстве отца Константина все равно не оказалось, и Клавдии Ивановне пришлось идти домой за посудой.

Пенсионер Гаврилов был великий стратег. Готовясь к визиту, он просчитал это обстоятельство заранее. Временное отсутствие жены было ему необходимо для осуществления того, что упустил из виду безалаберный шофер Вова: проверки документов.

Делать же это при жене Гаврилов стеснялся. Клавдия Ивановна всю жизнь едко высмеивала бдительность супруга и даже грозила разводом, когда до нее доходила молва о его доносах и жалобах.

Раскрыв паспорт отца Константина, Гаврилов первым делом ознакомился с «пятым пунктом». Новый батюшка был русским, рожденным в России. Фамилия тоже не вызывала подозрений. Гора упала с плеч пенсионера. Больше всего он боялся, чтобы в Митино не заслали какого-нибудь выкреста.

Гаврилов аккуратно занес себе в книжку паспортные данные отца Константина, переписал номер семинарского диплома и хотел, на всякий случай, скопировать оценки из школьного аттестата, но за окном величаво проплыла Клавдия Ивановна, и пенсионер, мигом свернув разведывательную деятельность, заговорил о церкви.

Отец Константин с удивлением узнал, что чета Гавриловых составляла костяк вверенного ему прихода. Клавдия Ивановна пела на клиросе, а сам пенсионер выполнял многотрудные обязанности церковного старосты.

Гаврилов торжественно выудил из кармана связку ключей.

– Вы ведь в храме-то до сих пор не побывали? – полувопросительно заметил он. – Знаю-знаю. Не до того было. Наносили пастырские визиты. Так, может, сейчас заглянете?

Отложив чаепитие, они втроем вышли из сарайчика и окунулись в плотную деревенскую тьму, чуть подсвеченную сугробами. Дул влажный ветер, обманчиво пахнувший весной, и небо почти касалось земли пегими облаками, похожими на космы нечесаной, несчастной старухи.

– В такую ночь они обычно и летают, – произнесла вдруг Клавдия Ивановна грудным голосом.

– Кто? – вздохнул отец Константин, не предвидя ничего доброго.

– Пришельцы, разумеется! Только не говорите, ради Бога, что не верите в НЛО!

Отец Константин послушался и ничего не сказал. Но и в его молчании Клавдия Ивановна заподозрила протест. Она остановилась посреди церковного двора, гневно запахнулась в шаль с кистями и прочитала страстную лекцию о визитах летающих тарелок, зафиксированных, между прочим, еще в наскальных рисунках.

– Хорошо-хорошо, вы только не волнуйтесь, – попросил отец Константин. – Всякое бывает. Давайте пойдем, а то вы простудитесь, не дай Бог.

– Не простужусь! – надменно заявила учительница. – Я закаляюсь по системе доктора Столетова! Надеюсь, это имя вам знакомо?

Тут пенсионер Гаврилов справился с проржавевшим замком, и отец Константин не успел окончательно разочаровать Клавдию Ивановну. Они замолчали и шагнули внутрь.

Гаврилов щелкнул выключателем, и отец Константин увидел место, где ему предстояло служить неведомо сколько лет. Небольшое пространство храма было перегорожено строительными лесами.

– Прежний батюшка ремонт собирался делать, – пояснил Гаврилов. – Да не успел. Прошлой осенью помер. Благодатный был человек, но в текущем моменте разбирался слабо. По причине преклонных лет. Так что я на вас – молодых да ранних – большие надежды возлагаю. Как говорится: нас ждут великие дела! Но и враги не дремлют! Надо держать ухо востро! Правильно я рассуждаю?

– Простите, я что-то не понял. Какие враги?

– Как это какие?! – вскричал церковный староста Гаврилов, и эхо унесло его возмущение под самый купол. – Католики, жида, либералы, экуменисты...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.